

Сказка о внутреннем соловье

(К портрету Вадима Колтуна)

Мы часто бываем плохими слушателями. Причем столь плохими, что не только окружающих, но и себя порой слышим с трудом. И зря – ведь часто для полного счастья нам достаточно перестать кричать, желать что-то доказать окружающим, и не заглушать свой внутренний голос. «Внутренний соловей» - так его называет монументалист и живописец Вадим Колтун. Эта самая дивная птица не раз выручала художника, когда на пути к заветной цели приходилось делать длинный крюк...

Путь к искусству Вадима оказался действительно извилистым: видя с детства его интерес к рисованию, родители отдали в 4 классе сына в художественную школу. Почувствовав себя там в родной стихии, он собрался поступать в Харьковское художественное училище, но не добрал всего 4 балла, оказавшиеся, пожалуй, решающими для всей дальнейшей жизни. Оглядываясь назад, Вадим понял, что все, что ни делается – к лучшему: училище уже после первого визита оставило у него гнетущее впечатление. Но факт остается фактом – надо было двигаться дальше. Куда податься?

В ХПИ, учиться на инженера-электрика. Уж казалось бы – куда более отдаленная от художественной сферы специальность? Но и тут соловей не умолкает. Огромные аудитории института, с «камчатки» которых преподаватель казался не ближе звезд, его еле слышное бормотание – все это навевало скуку. А ничто так не сплачивает массы, как скука. В результате образовалась интересная, «живая» компания – каждую неделю ходили в кино, театр, на выставки. От нечего делать во время лекций играли в «буриме» - дописывали друг за другом фразы, видя только окончание предыдущего слова. Получались вещи в духе сюрреалистов: «Голубое небо упало на кошку, труп которой синел до первого снега». Тогда же, в начале 80-х годов, в Союз начала просачиваться информация о западном современном искусстве, которое произвело на Вадима невероятное впечатление – начал делать работы в духе contemporary art, всевозможные абстракции, писать забавных человечков с длинными носами и глаза на ножках. «Не было бы ХПИ – я не стал бы художником» - считает Вадим.

Времени хватало на все, даже на то, чтобы подрабатывать, делая карикатуры для местных газет. Именно они были представлены на первой, совместной с его товарищем Виталием Лебединским, «Выставке карикатур черного, белого и цветного юмора» в 1989 году. А тут ещё всплыло давнее увлечение рок-музыкой – организовалась группа «Оркестр Гусева», где наш герой играл на бас-гитаре. Вели они отнюдь не рок-н-рольный образ жизни: как вспоминает Вадим, «мы были самыми трезвыми из всех групп. Нам просто это было не нужно – мы ловили кайф от того, что делаем». Конечно, близкие были несколько шокированы подобным оборотом событий, но не препятствовали увлечениям Вадима. Да и бесполезно – ведь соловей поет. Группа оказалась очень успешной и даже вошла в 90-х в 10-ку хит-парада Харькова. Вадим организовывал квартирники у себя дома, где собирался весь харьковский бомонд того времени. Там же делал выставки живописи и графики (в т.ч. и своей). И хотя пора была тяжелая («бурные 90-ые»...), старались встряхнуться, как могли – устраивали «акции жора» в противовес повсеместным голодовкам, увлекались восточной философией и медитациями.

После института проработал два года на ТЭЦ. Но поняв, что это совершенно не его, старался зарабатывать на жизнь художественным ремеслом: работал в «оформительских» кооперативах – расписывали стены, вел кружки в детском саду, подрабатывал на телевидении. К 1996 году «Оркестр Гусева» распался, и теперь можно было всецело посвятить себя искусству. В 1999 году состоялась персональная, подводящая итог прошедших 10 лет, выставка в Доме Народного творчества, после которой Вадима пригласили преподавать в художественном кружке еврейского культурного центра «Бейт Дан».

И вроде бы все ничего, но Вадим чувствовал, как внутри назревает потребность измениться – ему уже стало тесно среди своих «глазиков на ножках». Хотелось учиться новому. Когда мы четко осознаем свое желание, жизнь всегда дает нам шанс его реализовать. И он не заставил себя ждать: один из преподавателей тогда ещё ХудПромы показал работы Вадима коллеге, и был вынесен вердикт – «Пусть к нам поступает». И поступил. Тайком от родителей (те уехали жить в Израиль), в 34 года. Конечно, приходилось нелегко – ведь большинство сокурсников (а поступил

он учиться на монументальную живопись), кто окончил художественный лицей при институте, кто – училище. Многое пришлось наверстывать. Одновременно приходилось учиться и работать – сначала в ЕКЦ «Бейт Дан» (где встретил будущую жену), а потом – в ДХШ № 2, где преподает и сейчас. Но ощущение, что он наконец-то нашел СВОЕ, подбадривало, давало силы двигаться дальше. Особенно яркими было время обучение в мастерской известного живописца Виктора Гонтарова – этот человек оставил значительный след в творчестве всего их курса. Настолько яркий, что их начали называть «гонтарятами». Ученики по-разному реагируют на такое прозвище, но Вадиму оно не мешает: «... висит себе и висит... как лейба на джинсах». Уважения к мастеру от этого ничуть не меньше.

Постичь тонкости художественного мастерства пусть трудно, но возможно – было бы желание: «законы построения для горшка и гипсовой головы, на самом деле, практически одинаковы», как сказал как-то наш герой. Гораздо важнее то, чем ты «кормишь» зрителя. Именно этим принципом руководствуется Вадим при создании картин. Художнику одинаково интересны и натюрморт, и религиозный сюжет, и навеянные колоритом рассказов Шолом-Алейхема сюжеты из жизни штетлов, - в каждом он старается раскрыть новое пространство, грань, вложить свою мелодию. Потому так часто на его полотнах появляются образы музыкантов. И хотя многое изменилось в работах после обучения в ХГАДИ, которую он закончил в 2006 году, в них по-прежнему остается юмор, мудрость и, самое главное – любовь и понимание того ЧТО и для КОГО ты делаешь. Именно это создает ощущение тепла и света, исходящего от полотен автора.

Пожалуй, единственное, чего не хватает Вадиму (как и любому другому человеку) – времени. Но ни работа в художественной школе, ни приятные родительские хлопоты с маленькой дочкой не могут заставить соловья умолкнуть. Да и малышка пусть привыкает к запаху красок.

Александра Осадчая